

Марат Жан-Поль

Памфлеты

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ж27

Ж27 **Жан-Поль М.**
Памфлеты / Марат Жан-Поль – М.: Книга по Требованию, 2022. – 136 с.

ISBN 978-5-519-95367-2

ISBN 978-5-519-95367-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

В 1775 г. он получает диплом доктора медицины. Сохранившиеся научные работы Марата по свету и теплоте, о применении электричества в медицине свидетельствуют о большой трудоспособности и разносторонности его ума.

Но ученый—врач и физик Марат не остается чужд политической борьбе в период 70—80-х годов XVIII в. В 1774 г. появляется его трактат «Цепи рабства», проникнутый страстной критикой и ненавистью к деспотизму на континенте и парламентскому режиму в Англии. «Спасением народа является революция. Восстание народа должно быть всеобщим при полном единстве восставших...». В этом первом политическом выступлении Марата слышатся боевые призывы будущего трибуна. Марат выступает уже и как стратег революции. «Во всяком восстании инициатива принадлежит народным массам...». «Революция должна быть доведена до конца, восстание должно быть всеобщим, нельзя упускать подходящий момент для восстания».

Французская буржуазная революция 1789 г. застаёт Марата в Париже. События разворачиваются со стремительной быстротой. «...союз городского «плебса» (-современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу... французской революции XVIII в.» (Ленин, соч., т. XV, стр.347). Марат весь отдается ее бурному потоку. 14 июля—взятие Бастилии. Марат на улице—он приветствует первое выступление народных масс и примыкает к ним. В августе он публикует свой проект «Декларации прав человека и гражданина». Марат утверждает: конституция

должна стоять на страже интересов самого многочисленного класса обездоленных. «Получив от природы одинаковые права, люди должны сохранить и в общественном состоянии равенство прав». В декларации Марат ставит вопрос о новой революции народных низов во имя интересов большинства трудящихся.

С сентября 1789 г. начинает выходить «Друг народа». Уже в первых номерах своей газеты Марат разоблачает предательскую политику либеральной буржуазии. Августовские декреты, которыми Национальное собрание ответило на поднимавшуюся волну крестьянских восстаний, вызывают негодующие памфлеты Марата. Он едко высмеивает отмену феодальных повинностей крестьян «за выкуп». Он требует чистки Национального собрания. С исключительной прозорливостью Марат вскрывает сущность классовой политики правящей крупной буржуазии, боящейся народа и стремящейся к сделке со старой властью.

Выступление народных масс Парижа 5—6 октября 1789 г. окончательно отбрасывает вправо умеренную буржуазию: 21 октября появляется декрет о военном положении.

Марат видит в октябрьском восстании масс новую революцию и не ограничивается призывом к разгону Национального собрания и Парижского муниципалитета. Он ставит вопрос о перерастании вооруженного восстания в гражданскую войну.

Разоблачения, направленные против Неккера, бывшего министра финансов, вызывают запрещение газеты «Друг народа» и приказ об аресте Марата. Марат уходит в подполье,

но и оттуда слышен его негодующий голос. «Как можно давать пенсии в 8 000 ливров бывшим министрам, растратчикам и взяточникам, а из бедного народа, умирающего от нищеты и голода, выжимать все до последней капли крови!».

В январе 1790 г. преследования усиливаются. Марат уезжает в Англию, но его призывы к бдительности, к недоверию «низким прелатам и аристократам», обманывающим народ, доходят до Франции.

В мае Марат снова в Париже. Он развивает кипучую деятельность: возобновляет «Друг народа», расклеивает памфлеты на стенах столицы. «Адский план врагов революции» вскрывает тайные махинации Мирабо, Лафайета и Сиейса. В июле новое воззвание—«Мы погибли». Это был подлинный призыв к восстанию, призыв с указанием плана действий и лиц, которых надо было уничтожить. Декретом Национального собрания от 31 июля Марат объявлен главой заговора против конституции и свободы. Он принужден опять уйти в подполье. Но Марат не прекращает своей работы. Его памфлеты, полные страсти и ненависти к врагу, организуют массы для нового выступления.

Друг народа не устает изо дня в день убеждать, что конечная цель новой революции в разгоне Национального собрания, в низвержении правительства, в установлении красного массового террора и революционной диктатуры.

Непреклонный Марат становится для буржуазии символом народного восстания. Она с яростью преследует своего классового врага.

После расстрела безоружных демонстрантов на Марсовом поле, 17 июля 1791 года, Марат подвергается новым гонениям: его типография разгромлена, весь тираж газеты конфискован.

1 октября 1791 г. собирается Законодательное собрание, в котором большинство опять принадлежит крупной буржуазии. Марат отвечает на это новым призывом к вооруженному восстанию. После вторичной эмиграции в Лондон Марат в апреле 1792 г. снова на родине. Вскоре, с началом войны, он выступает со статьей, в которой призывает солдат перебить своих командиров, бывших дворян, так как те могут их предать. Эта статья вызывает бурю негодования в Законодательном собрании. Возбуждается судебное преследование против Марата. Марат снова на нелегальном положении, и только революция 10 августа 1792 г. выводит его окончательно из подполья.

Марат—член Наблюдательного комитета, созданного революционной коммуной для борьбы с контрреволюцией. В тревожные сентябрьские дни он бросает лозунг: «Прежде расправиться с сидящими в тюрьмах монархистами, потом уже идти к границе», и сам руководит этой кровавой расправой.

Марата выбирают в Конвент. Начинается второй этап революции, когда наряду с крупной торгово-промышленной буржуазией—Жирондой—широкие массы мелкой буржуазии и «плебейских элементов» города и деревни получают право голоса. Перед Маратом открывается широкое поприще. Он вступает в борьбу с Жирондой.

В ноябре 1792 г.—январе 1793 г. в центре внимания—вопрос о казни короля. Марат требует гильотины для Людовика XVI. После казни короля (21 января 1793 г.) во весь рост встали основные задачи революции. Парламентская республика еще не гарантировала полной победы демократии. Марат выдвигает новое требование—«Конвент, составленный из членов-патриотов». Таким образом требование революционной диктатуры получает свое законченное выражение.

В апреле 1793 г. жирондисты возбуждают дело против ненавистного им Марата. Процесс Марата показывает, как тесно он был связан с массами: «Марат был единогласно оправдан революционным трибуналом и с триумфом отведен народом обратно в Конвент. Это событие имело важные последствия. Партийные споры депутатов привели к судебным разбирательствам, и преследование Марата было непосредственным прецедентом для событий 31 мая». (*Маркс и Энгельс*, Соч., т. III, стр. 609.)

Революция 31 мая—2 июня 1793 г. открывает «диктатуру низов», т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты. Жирондисты, изгнанные из Конвента, бегут из Парижа и поднимают восстание в западных и южных департаментах Франции, где у них были связи с местной крупной буржуазией.

Гражданская война разгорается с новой силой. Конвенту угрожает смертельная опасность. И в эти решающие дни жирондисты переходят к открытому террору. Они подсылают в дом Марата Шарлотту Корде, дворянку, связанную с виднейшими кругами жирондистов. Корде

закалывает кинжалом больного трибуна, не ждавшего этого гнусного нападения.

Жирондисты убили Марата, потому что он был непримиримым врагом буржуазии и соглашения с ней.

Пламенный трибун олицетворял собою всю революционную мощь французского плебса.

Марату безусловно принадлежала громадная роль в создании блока городской мелкой буржуазии и плебейских элементов города и деревни, который в годы якобинской диктатуры вырвал гегемонию из рук буржуазии.

В 1889 г. в письме к Каутскому Энгельс пишет: «...Буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа, 2 сентября и т. д. старый порядок неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи и совершили революцию». («Историк-марксист», № 2, 1933 г.).

Марат был мастером и теоретиком плебейской революции. Вооруженное восстание, красный террор, гражданская война, революционная диктатура «низов» — вот основа революционной тактики Марата.

Марат боролся за углубление буржуазной революции, он боролся за плебейскую революцию. В этом сила и историческое значение Марата.

В. Калашникова.

Profession de foi

(«Публицист французской республики»
30 марта 1793 г.)

С конца ноября 1788 г., когда я посвятил свое перо делу защиты свободы, я так ясно развивал свои принципы, поведение мое было так неизменно и я высказывался в течение всей революции так решительно, так громко, что я не мог ожидать, что мне предложат сегодня снова изложить свое политическое исповедание веры. Однако это должно быть сделано, чтобы рассеять слухи, которые клевета не перестает распространять о моих действиях и намерениях.

В разгар революции, совершенной против угнетателей и вампиров народа, против привилегированных сословий и приспешников старого порядка, в разгар революции, задевшей столько страстей и различных интересов, я понял, что самой неотложной обязанностью доброго гражданина является надзор за государственными чиновниками, столь склонными злоупотреблять своими обязанностями, за носителями власти, готовыми на заключение союза

с деспотом; в эту обязанность входит наблюдение за намерениями кабинета, разоблачение его козней, расстройство его заговоров и срывание маски с вероломных. Эту важную задачу я выполнял с испытанным рвением и энергией. Можно себе представить, сколько я создал себе врагов, и всем ясно, сколько они приложили усилий для поношения меня, чтобы лишить меня доверия народа, обречь на бессилие в деле предупреждения угрожающей ему опасности и указания ему способов, как от нее спастись.

Против меня написаны бесчисленные пасквилы, наводнившие Францию. Поскольку клевета создавалась продажными перьями, я противопоставлял ей презрение. Теперь же она исходит из источника, хотя и более скрытого и менее грозного по виду, однако еще более отравленного. Орудием ее служат даже представители народа; уже шесть месяцев в собраниях народных представителей гремят только их вероломные доносы; но самые опасные удары они наносят мне в своей тайной переписке.

В публичных объяснениях, имевших место между представителями обеих партий, на которые разделяется Конвент, государственные люди,—им было предложено высказаться обо мне,—были принуждены ограничиться одной жалобой; никто не посмел нападать на мои нравы, действия, мое поведение в частной жизни, но все обвиняли меня в чрезмерной пылкости взглядов, в ожесточенности речей и писаний; сам Бюзо ограничился тем, что изобразил меня как человека, который может быть опасен своей популярностью, своими знаниями, смелостью и горячностью своих речей.

Не буду повторять здесь ответов, которые я столько раз давал на их публичные выступления; но я не могу не отвергнуть тайных обвинений, которые они распространяют в департаментах.

Они обвиняют меня в том, что я непрерывно проповедую убийство и резню.

Я сто раз доказывал Национальному собранию, что ему никогда не удастся упрочить свободу, если оно предварительно не истребит контрреволюционных вожakov; я показал, что, бестолково пощадив сначала несколько сот преступных голов, народ будет вынужден затем рубить их тысячами. Злосчастные сентябрьские события и то, что произошло теперь в департаментах Вандеи, Нижней Сены и обоих Севров, служат жестоким доказательством этой истины; к несчастью, эти происшествия—не единственные в таком роде, и мудрость моих советов будет понята слишком поздно; лишь тогда, когда будет истреблено пятьсот тысяч патриотов, все поймут, наконец, что только предложенный мною способ мог спасти родину.

Они обвиняют меня в том, что я проповедую аграрный закон. Это беспримерная клевета: я не только никогда не проповеживал эту гибельную доктрину, которую считаю разрушительной для всякого гражданского общества, но я сотни раз жаловался на то, что утрированные принципы строгого равенства, которые совершенно не к лицу развращенному народу, скоро приведут незаметным для нас образом к такой роковой развязке.

Они обвиняют меня в честолюбивых намерениях, в стремлении к диктаторству. На это

смехотворное обвинение я могу ответить лишь двумя словами: не для того я провел продолжительное время в подполье с целью более верного одоления деспотизма, подвергал себя в течение четырехлетних нападков на тиранию всем опасностям, всем страданиям, всем мыслимым бедствиям, приносил себя в жертву всем ударам, с целью обеспечить народу свободу и сразить его угнетателей,—не для того я делал это, чтобы навлечь на себя позор и считаться только лицемером и предателем, претендующим на власть и звания, которые я презираю. Я никогда не сделал ни одного шага для того, чтобы занять место депутата Конвента; я согласился на это в надежде, что смогу послужить в нем на пользу родине. Ничтожная польза, принесенная там мною, ничтожная польза, которую, как я предвижу, возможно еще принести там, ничтожная польза, принесенная самим Конвентом, давно уже рассеяла мои надежды. Я подал бы уже в отставку, если бы меня не удерживало ожидание неизбежных событий, которые потребуют принятия серьезных мер для общественного блага и надобность в которых придаст, вероятно, вес моим требованиям.

Пока же подтверждаю своей честью, что всю жизнь не приму никакой доходной должности, никакого министерского поста, никакого места государственного чиновника. Я жажду лишь того момента, когда народ будет свободен и счастлив. Я жажду лишь того момента, когда я смогу вернуться в свой кабинет и посвятить остаток своих дней науке и размышлениям. Я сам призываю на свою голову презрение и смерть, если я когда-либо буду